

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Ценности и методы: сравнительно-правовой анализ подходов Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ к свободе самовыражения и свободе собраний

Дмитрий Кузнецов*

В статье анализируются подходы Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека к рассмотрению дел, затрагивающих свободу собраний и свободу самовыражения, на примере ряда резонансных случаев, ставших предметом изучения обоих судебных органов. Статья состоит из двух частей. В первой из них через призму критериев сравнительно-правового метода освещаются подходы Конституционного Суда и Европейского Суда по правам человека к делам, затрагивающим указанные свободы, делаются обобщения относительно особенностей методологии исследуемых органов в данной категории разбирательств. Автор приходит к выводу, что при сравнении подходов судов необходимыми условиями корректного анализа будут: учёт особенностей правового положения, пределов проверки конституционности (конвенционности), осуществляемой органами, и отдельные полномочия по толкованию конституционных (конвенционных) положений. Вторая часть статьи с учётом выводов первого раздела на конкретных примерах исследует, в чём состоит содержательная разница между подходами Конституционного Суда России и Европейского Суда по правам человека к обозначенным свободам. Автор даёт общий обзор правовых позиций обоих судебных органов относительно свободы собраний и свободы самовыражения, заключает, что оба исходят из одних и тех же ценностных предпосылок при рассмотрении спорных ситуаций. Далее сопоставляются методологические подходы судов в определённых делах и делается вывод, что в изученных ситуациях каждый из них действовал в пределах своей компетенции и сложившихся правил толкования положений о правах человека. Делается вывод, что при схожем понимании подлежащих защите ценностей различные в итоговой части решения принимались в связи с объективными факторами, включая конкретные обстоятельства рассмотренных дел и роль, которую они играют для вынесения решений.

→ Конституционный Суд Российской Федерации; Европейский Суд по правам человека; свобода собраний; свобода самовыражения; сравнительно-правовой метод; ограничения прав

DOI: 10.21128/1812-7126-2019-4-16-34

1. Введение

В 2018 году Европейский Суд по правам человека (далее также — ЕСПЧ, Европейский Суд, Суд) вынес постановления по трём резонансным делам против Российской Фе-

дерации, широко освещавшимся в СМИ и научном сообществе как в России¹, так и за рубежом². Постановления по жалобам Але-

* Кузнецов Дмитрий Александрович — ведущий советник Управления международных связей и обобщения практики конституционного контроля Конституционного Суда Российской Федерации; преподаватель кафедры конституционного и административного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия (e-mail: dmitrykuznetsove@gmail.com).

¹ См., например: Навальный против России: Страсбург признал задержания оппозиционера политически мотивированными // Би-би-си. Русская служба. 2018. 15 ноября. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-46205084> (дата обращения: 18.07.2019).

² См., например: *Reilhac G., Melander I., Tetrault-Farber G. [et al.] European rights court condemns Russia over Pussy Riot ruling* // Reuters. 2018. 17 July. URL: <https://uk.reuters.com/article/uk-russia-europe-pussyriot/european-rights-court-condemns-russia-over-pussy-riot-ruling-idUKKBN1K71BV> (дата обращения: 18.07.2019).

хина и другие против России³, Алексеев и другие против России⁴ и Навальный против России⁵ касаются свободы собраний и служащей ей *lex generalis*⁶ свободы самовыражения (в широком смысле), которая была затронута в двух последних постановлениях.

Указанные дела примечательны по ряду причин, среди которых нужно отметить: актуальность проблемы гарантированности в России права на свободу собраний и адекватность правового регулирования в данной области, относительная публичность заявителей, внимание к ним средств массовой информации, оппозиционность заявителей к действующей в России власти. Однако в контексте настоящего исследования интерес представляет то, что по жалобам каждого из указанных заявителей на применение в их делах законодательных норм, которые оценивались в постановлениях ЕСПЧ, вынесены также решения Конституционного Суда Российской Федерации (*далее также* — КС РФ, Конституционный Суд), из которых только по жалобе Николая Алексеева вынесено постановление⁷ (в остальных случаях Конститу-

ционный Суд ограничился определениями об отказе в принятии к рассмотрению жалоб). Данное обстоятельство служит отправной точкой в рассуждении относительно вопроса о сходствах и различиях⁸ подходов двух судебных органов.

Данное сравнительно-правовое исследование показывает, что Конституционный Суд и Европейский Суд по правам человека при принятии выше обозначенных решений действовали в пределах своих компетенций, что в совокупности с рядом иных факторов, рассматриваемых в статье, привело к публикации итоговых текстов судебных решений, которые иллюстрируют обычные для анализируемых судов подходы к пониманию свободы собраний. Статья состоит из двух частей, посвящённых рассмотрению методологических критериев корректного сравнительного анализа в первой из них и содержанию, которое каждый из органов вкладывает в понятия «свобода самовыражения» и «свобода собраний» на примере конкретных правовых позиций, во второй части.

2. Методологические подходы Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ к рассмотрению дел о свободе самовыражения

Для корректного сравнения использованных в решениях Конституционного Суда и Европейского Суда по правам человека приёмов и методов мы должны обратиться к ряду критериев сравнительно-правового исследования, среди которых основными, на наш взгляд, являются: правовое положение соответствующего судебного органа, компетенция органа в отношении рассмотрения индивидуальных обращений (жалоб), включая основания приемлемости таких обращений, и пределы толкования национальных норм права в данной категории дел⁹.

³ European Court of Human Rights (*далее* — ECtHR). *Mariya Alekhina and Others v. Russia*. Application no. 38004/12. Judgment of 17 July 2018.

⁴ ECtHR. *Alekseyev and Others v. Russia*. Applications nos. 14988/09 and 50 others. Judgment of 27 November 2018.

⁵ ECtHR. *Navalnyy v. Russia*. Applications nos. 29580/12 and 4 others. Judgment of 15 November 2018. Постановление Третьей секции от 2 февраля 2017 года было направлено в Большую Палату ЕСПЧ 29 мая 2017 года.

⁶ General comment no. 34. Article 19: Freedoms of opinion and expression (CCPR/C/GC/34). International Covenant on Civil and Political Rights of the United Nations. 12 September 2011. П. 4. Среди других статей, содержащих гарантии свободы выражения мнения и (или) самовыражения, выделяются статьи 18, 17, 25 и 27. Свободы выражения мнения и самовыражения являются основой для полной реализации широкого спектра других прав, например, свобода самовыражения — неотъемлемая часть права на свободу собраний и ассоциаций, а также реализации права на свободу волеизъявления на выборах. См. также практику ЕСПЧ, например: ECtHR. *Kasparov and Others v. Russia*. Application no. 21613/07. Judgment of 3 October 2013. § 82.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ № 24-П от 23 сентября 2014 года // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации (*далее* — ВКС РФ). 2014. № 6.

⁸ См., например: *Сивицкий В.А.* О некоторых проблемах осуществления судебной защиты прав и законных интересов в сфере публично-правовых отношений // Научно-практическая конференция «Судебная реформа 1864 года. Реализация и защита прав человека в современной правовой системе». Ярославль, 2014. С. 51—67.

⁹ Подробнее об основании применимости указанных критериев см. также *mutatis mutandis*: Кузнецов Д.А. Факторы, которые необходимо учитывать при прове-

2.1. Правовое положение судебного органа

Первый критерий является отправной точкой в нашем исследовании. Из всех рассмотренных ниже критериев он является наименее проблемным.

Правовое положение Конституционного Суда определено в статье 125 Конституции РФ, устанавливающей в четвёртой части, что «Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверяет конституционность закона, применённого или подлежащего применению в конкретном деле, в порядке, установленном федеральным законом». Более общая характеристика данного органа конституционной юстиции представлена в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации»: «Конституционный Суд Российской Федерации — судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства»¹⁰.

Европейский Суд по правам человека — это орган толкования Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция, ЕКПЧ), созданный «в целях обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по... Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] и Протоколам к ней»¹¹.

2.2. Пределы проверки конституционности (конвенционности) вмешательства

Одним из основных полномочий Конституционного Суда является рассмотрение индивидуальных обращений граждан (их объединений) с так называемыми конституционными

жалобами. Подробно процедура рассмотрения таких дел устанавливается в главе XII ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Статья 97 указанного акта называет два критерия допустимости жалобы: закон должен затрагивать конституционные права и свободы граждан, а также он должен быть применён в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, при этом жалоба должна быть подана в срок не позднее одного года после рассмотрения дела в суде (статья 19 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Полномочия ЕСПЧ включают возможность принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что стали жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней (статья 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод)¹². Критерии приемлемости (допустимости) жалобы в данном случае следующие:

- исчерпание средств внутренней правовой защиты;
- соблюдение шестимесячного срока с момента вынесения национальными органами окончательного решения по делу;
- жалоба не должна быть анонимной;
- жалоба не должна быть аналогичной рассмотренной ранее Судом или находящейся на рассмотрении иного международного юрисдикционного органа;
- жалоба должна быть обоснованной;
- жалоба не должна являться злоупотреблением правом на обращение (см. статью 35 Конвенции).

При уяснении содержания приведённых критериев и соотношении между собой соответствующей компетенции КС РФ и ЕСПЧ возникает ряд сложностей. Наиболее важным представляется то, что каждый из органов обладает разными пределами проверки конституционности (конвенционности) вмешательства в права заявителя. Европейский

дении сравнительно-правового исследования практики зарубежных органов конституционного контроля // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 3. С. 14–23.

¹⁰ Статья 1 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 29 июля 2018 года) // Российская газета. 1994. № 138–139.

¹¹ Статья 19 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

¹² См. также: Practical Guide on Admissibility Criteria / Council of Europe/European Court of Human Rights. 30 April 2018. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Admissibility_guide_ENG.pdf (дата обращения: 21.07.2019).

Суд связан конкретными обстоятельствами дела, что тем не менее соотносится с часто повторяющимся утверждением Европейского Суда о том, что национальные органы власти в принципе находятся в лучшем положении для установления конкретных обстоятельств дела в каждом отдельном случае¹³. Тем временем Конституционный Суд остаётся «судом над законами» и, как он сам не раз отмечал, «принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению... не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе»¹⁴. КС РФ при проверке конституционности руководствуется текстами Конституции и Федеральным конституционным законом, причём он не может рассматривать каждую оспариваемую норму в отрыве от существующей конституционно-правовой системы, которая предполагает *inter alia* определённый набор ценностных ориентиров для Конституционного Суда, сформулированных в первой и второй главах Конституции. К таким ценностям прежде всего относятся человек, его права и свободы, ценности социального государства, идеологического многообразия и прочее.

Данное обстоятельство порождает дискуссию об эффективности жалобы в Конституционный Суд с точки зрения защиты конвен-

ционных прав в ЕСПЧ. Иными словами, нужно ли заявителю, прежде чем обращаться в наднациональный орган по защите прав человека, направлять жалобу в Конституционный Суд?

По общему правилу, Европейский Суд устанавливал, что там, где «компетенция суда ограничена рассмотрением конституционности законодательных положений, а также проверкой их соответствия вышестоящим источникам права, от заявителей будет требоваться обращение в конституционный суд, если они оспаривают положения закона или подзаконного акта, которые сами по себе противоречат Конвенции»¹⁵. Однако такое обращение не будет считаться эффективным средством в случае, когда заявитель обжалует неверное применение или толкование закона или подзаконного акта, которые не являются неконституционными как таковые¹⁶. В практике ЕСПЧ сложились более чёткие требования к эффективному, с точки зрения Конвенции, средству правовой защиты¹⁷:

- такое средство не обязательно должно быть судебным;
- в результате обращения к такому средству должна существовать возможность получить окончательное и обязательное к исполнению решение, восстановление нарушенных прав, которое в идеале должно иметь форму полной реституции (*restitutio in integrum*), а в случае её невозможности — справедливой компенсации;
- если в национальной системе не существует единого средства правовой защиты, комбинация таких средств должна обеспечить требующуюся эффективность;
- ЕСПЧ не требует, чтобы средство существовало в отношении *любого* предполагаемого нарушения. Возможность применения средств правовой защиты должна

¹³ Суд *inter alia* отметил, что его задача не состоит в установлении наличия или отсутствия вины конкретного заявителя в уголовном деле, для чего необходима была бы оценка фактических обстоятельств дела, схожая с оценкой судом первой инстанции, но, в соответствии со статьёй 19 Конвенции, Суд должен установить факт нарушения (отсутствия нарушения) прав заявителя и корреспондирующих им обязательств государства-ответчика. Причём такая оценка также сопряжена с наличием не свойственных национальным правовым системам презумпций, как, например, презумпции того, что если заявитель находился под полным контролем властей, то вред, причинённый ему, должен считаться вредом, причинённым государственными органами («агентами» в терминологии Суда). См., например: ECtHR. *El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*. Application no. 39630/09. Judgment of 13 December 2012. § 151–152. Ещё одним немаловажным обстоятельством здесь будет являться и концепция автономного значения терминов, в том числе и понятий «факт» или «обстоятельство».

¹⁴ См., например: Пункт 1.2 Постановления Конституционного Суда РФ № 41-П от 14 ноября 2018 года // ВКС РФ. 2019. № 1.

¹⁵ ECtHR. *Grišankova and Grišankovs v. Latvia*. Application no. 36117/02. Judgment of 13 February 2003; *Liepājnīeks v. Latvia*. Application no. 37586/06. Judgment of 2 November 2010.

¹⁶ См.: ECtHR. *Smirnov v. Russia*. Application no. 14085/04. Judgment of 6 July 2006.

¹⁷ См.: Guide to good practice in respect of domestic remedies (adopted by the Committee of Ministers on 18 September 2013). Strasbourg: Council of Europe, 2013. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Publication_coe_domestic_remedies_ENG.pdf (дата обращения: 22.07.2019).

рассматриваться применительно к каждому конкретному делу;

- обращение к эффективному средству правовой защиты должно помешать исполнению мер, которые противоречат Конвенции и эффект от которых является потенциально необратимым;
- средства, о которых говорит статья 13, должны быть эффективными как в законе, так и на практике.

Подобный институт *mutatis mutandis* существует в следующих государствах: Албания, Андорра, Армения, Австрия, Азербайджан, Бельгия, Босния и Герцеговина, Хорватия, Кипр, Чехия, Грузия, Германия, Латвия, Лихтенштейн, Мальта, Черногория, Польша, Сербия, Словения, ЮАР, Испания, Швейцария, Македония, Словакия¹⁸. На необходимость работы в этом направлении в том числе и в Российской Федерации указывал в своей речи в 2014 году бывший председатель ЕСПЧ Дин Шпильман¹⁹.

Как отмечалось в докладе Венецианской комиссии, хотя юридическая природа конституционного суда при обращении в него с конституционной жалобой не подвергается сомнению, Европейский Суд оценивает, являются ли полномочия конституционного суда в каждом деле достаточными для защиты права, на нарушение которого жалуется заявитель²⁰. Национальный орган конституционной

юстиции должен обладать властью восстановить нарушенное право посредством принятия обязательного для иных органов решения. Простого провозглашения неконституционности будет недостаточно: «решение должно быть эффективным как с точки зрения закона, так и с точки зрения практики»²¹. Также, если нарушение касается позитивных обязательств государства, суд должен иметь возможность обязать власти принять меры, которые не были приняты изначально²². Суд должен быть доступным для заявителей: слишком большие пошлины или повышенные требования относительно представительства в суде могут привести к его «неэффективности». В тех случаях, когда последствия принятых в отношении заявителей мер не могут быть отменены, суд должен иметь возможность предотвратить исполнение таких мер²³.

Из приведённого выше общего подхода ЕСПЧ к эффективности обращения в орган конституционного контроля есть исключение. Например, в деле *Ларионов и Тесс против Латвии* ЕСПЧ признал, что жалоба в Конституционный суд Латвии может служить эффективным средством защиты, однако только в том случае, если предполагаемое нарушение связано с законодательной нормой, а не с ошибочным применением или толкованием закона судебными или административными органами²⁴.

Исходя из изложенных подходов ЕСПЧ к требованиям действенности национальных

¹⁸ См.: Study on Individual Access to Constitutional Justice (No. 538/2009; CDL-AD(2010)039rev.). Venice Commission. Strasbourg, 27 January 2011. Стоит отметить, что, например, в отношении Федерального конституционного суда Федеративной Республики Германия ЕСПЧ прямо указал, что обычно обращение к конституционному правосудию является доступным и эффективным средством. Простые сомнения в эффективности обращения в Федеральный конституционный суд не освобождают заявителя от обязанности использовать данное средство правовой защиты, в особенности если он не может подкрепить своё заявление о неэффективности доказательствами (см.: ECtHR. *Müller v. Germany*. Application no. 36395/07. Partial decision as to the admissibility of 11 March 2008). См. также: ECtHR. *Uzun c. Turquie*. Application no. 10755/13. Decision of 30 April 2013.

¹⁹ См.: The best practices of individual complaint to the Constitutional Courts in Europe: Speech of Mr Dean Spielmann, President of the European Court of Human Rights. Palace of Europe (room 5). Strasbourg, 7 July 2014.

²⁰ См.: Study on Individual Access to Constitutional Justice. P. 26.

²¹ Ibid.

²² В этой связи можно обратиться к двум постановлениям Европейского Суда, где ЕСПЧ, ссылаясь на окончательную и общеобязательную силу решений Конституционного суда Турецкой Республики, отметил, что Конституционный суд Турции может по-прежнему рассматриваться в качестве эффективного средства правовой защиты по вопросам незаконного лишения свободы, однако это правило будет действовать лишь до тех пор, пока суды нижних уровней судебной системы будут исполнять решения Конституционного суда и соблюдать принцип верховенства права (ECtHR. *Mehmet Hasan Altan v. Turkey*. Application no. 13237/17. Judgment of 20 March 2018. § 139). См. также: ECtHR. *Şahin Alpay v. Turkey*. Application no. 16538/17. Judgment of 20 March 2018.

²³ См.: ECtHR. *Čonka v. Belgium*. Application no. 51564/99. Judgment of 5 February 2002.

²⁴ См.: ECtHR. *Nikolajs Larionovs and Nikolay Tess v. Latvia*. Applications nos. 45520/04 and 19363/05. Judgment of 25 November 2014.

средств правовой защиты, мы можем заключить, что Конституционный Суд РФ рассматривается в качестве подобного инструмента для целей исчерпания средств национальной защиты прав в ЕСПЧ не будет. Этот подход артикулирован и самим ЕСПЧ, например, в решении о приемлемости жалобы Сергея Смирнова против России²⁵. Причины, по которым в России не вводится полная конституционная жалоба, например по немецкой модели, могут быть разнообразными. Предполагаем, что, во-первых, отсутствие полной конституционной жалобы в настоящий момент позволяет сохранить некий *status quo* во взаимоотношениях КС РФ и ЕСПЧ и минимизирует возможности потенциальных конфликтов, не связанных с различными подходами в толкованиях. Второй существенный момент тесным образом связан с вынесенной в заглавие статьи проблемой — учётом различных и иногда конфликтующих конституционных ценностей, который возможен при проведении конституционной проверки норм при действующей в Российской Федерации модели, где Суд не связан доводами жалобы заявителей, не даёт правовую оценку конкретным правоприменительным решениям и тем самым может оценивать ситуацию в более широком правовом контексте, не только проводя взвешивание прав конкретного заявителя и интересов государства в определённом случае, но и отражая в своём решении то, как избранный вариант интерпретации норм повлияет на многие группы общества и их конфликтующие интересы²⁶. В этом смысле роли Конституционного Суда и ЕСПЧ предполагаются существенно различными.

2.3. Полномочия по толкованию конституционных (конвенционных) положений

Следующая сложность при проведении корректного анализа решений обоих судебных органов состоит в том, что каждый из них обладает разными полномочиями по толкова-

нию применимых в конкретной жалобе национальных правовых норм, что, в свою очередь, также связано с концепцией «автономного значения терминов», применяемой ЕСПЧ для интерпретации понятий в Конвенции в значении, отличном от придаваемого им в национальных правовых порядках.

Конституционный Суд проверяет конституционность законодательных положений, выявляя их конституционно-правовой смысл, будучи связанным положениями Конституции РФ и ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Фактически, как, например, показало Постановление от 19 апреля 2016 года № 12-П, Конституционный Суд в своём толковании будет применять *доктрину конституционной сдержанности*, инструментарий грамматического толкования и не будет расширительно трактовать положения Основного закона²⁷. В качестве обобщения подхода КС РФ к толкованию конституционных положений и проверке конституционности норм закона в связи с обращениями граждан (учитывая, что правом на обращение с запросом о толковании Конституции РФ граждане не наделены²⁸) можно отметить следующие требования:

- цель толкования Конституции Российской Федерации, осуществляемого в соответствии с её частью 5 статьи 125 Конституционным Судом, заключается в том, чтобы, устранив неопределённость в понимании конституционных положений, обеспечить надлежащее их применение, соблюдение, исполнение и использование²⁹;
- толкование Конституции, предполагающее такую конкретизацию её норм, которая фактически требует от КС РФ создания новых правовых положений, недопустимо;
- КС РФ оценивает соответствие Конституции оспариваемых правовых норм в их системе, то есть исходя из систематиче-

²⁷ См.: Пункт 4.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 года № 12-П // ВКС РФ. 2016. № 5.

²⁸ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 1 октября 2009 года № 1053-О-О // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2009. № 9.

²⁹ См.: Абзац 1 пункта 4 Определения Конституционного Суда РФ от 5 ноября 1998 года № 134-О // ВКС РФ. 1999. № 1.

²⁵ ECtHR. *Smirnov v. Russia*. Application no. 14085/04. Judgment of 6 July 2006.

²⁶ См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 года № 187-О-О; ECtHR. *Konstantin Markin v. Russia*. Application no. 30078/06. Judgment of 22 March 2012.

ского толкования, имея в виду, что конституционное содержание соответствующих правовых институтов может быть обеспечено совокупным результатом действия норм права³⁰.

Вместе с тем при оценке конституционности правовых норм Конституционный Суд исходит из того, что из конституционных принципов правового государства, равенства и справедливости вытекает обращённое к законодателю требование определённости, ясности, недвусмысленности правовой нормы и её согласованности с системой действующего правового регулирования³¹. Неопределённость содержания предписаний не может обеспечить их единообразное понимание, создаёт возможность злоупотребления исполнительной властью своими полномочиями, порождает противоречивую правоприменительную практику, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, может привести к произволу и, следовательно, к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона³². Данный стандарт был конкретизирован в Определении от 25 января 2007 года № 48-О-О, где Суд применительно к налоговым нормам указал, что некоторая неточность юридико-технического характера, допущенная законодателем при формулировании законоположения, хотя и затрудняет уяснение их действительного смысла, однако не даёт оснований для вывода, что их значение является неопределённым, расплывчатым, не содержащим чётких стандартов и, соответственно, не отвечающим принципам законодательства в правовом государстве. Такие неясности, выявляемые в процессе применения предписаний закона в конкретных правовых ситуациях, устраняются путём толкования этих норм правоприменительными органами³³.

Наконец, говоря о пределах проверки конституционности норм Конституционным Су-

дом, нельзя не упомянуть об одном из основополагающих принципов — принципе конституционной сдержанности³⁴, который в практике КС РФ означает невозможность для органа конституционного контроля вторгаться в компетенцию законодательной власти и, например, расширительно толковать содержание некоторых правовых категорий, включать в их содержание то, что не было предусмотрено законодателем³⁵. Данный и сходные с ним принципы в зарубежных юрисдикциях (например, в системах Венгрии, ФРГ) позволяют следовать доктрине разделения властей, причём они ограничивают не только вмешательство судебной власти в функционирование политических ветвей, но и, наоборот, защищают судебную власть (в нашем случае — конституционную юстицию) от вмешательства со стороны других ветвей³⁶.

В практике Европейского Суда по правам человека наиболее близким аналогом принципу конституционной сдержанности является принцип субсидиарности, который также был включён в преамбулу к Конвенции о защите прав человека и основных свобод после

³⁴ Подробнее об особенностях толкования правовых норм Конституционным Судом см., например: *Сергеев-нин С.Л.* К вопросу об интерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционный контроль: доктрина и практика, 2011, 28–29 октября. Санкт-Петербург. М.: Норма, 2012. С. 427–437; *Князев С.Д., Румак В.* Не переступить тонкую грань, которая отделяет толкование закона от его пополнения новыми правилами // Закон. 2017. № 10. С. 6–19.

³⁵ В этой связи, например, относительно понятия «семья» КС РФ высказался следующим образом: «...выявление в процессе абстрактного толкования Конституционным Судом Российской Федерации нормативного содержания понятия “семья”, наполняемого в зависимости от целей правового регулирования различным юридическим содержанием, в данном случае означало бы вторжение в компетенцию законодателя или потребовало бы проверки конституционности федеральных законов в иной, чем это установлено Конституцией Российской Федерации и Федеральным конституционным законом “О Конституционном Суде Российской Федерации”, процедуре, что недопустимо» (абзац 6 пункта 2 Определения Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 года № 135-О).

³⁶ Показателен пример деятельности Конституционного суда Республики Молдова и его противостояния с Президентом страны и позднее с парламентом. Подробнее об этом см.: URL: <http://www.constcourt.md/lib.php?l=en&idc=7&t=/Overview/Press-Service/News/> (дата обращения: 21.07.2019).

³⁰ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 года № 4-П // ВКС РФ. 1996. № 2.

³¹ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2004 года № 7-П // ВКС РФ. 2004. № 4.

³² См.: Там же.

³³ Абзац 3 пункта 2 Определения Конституционного Суда РФ от 25 января 2007 года № 48-О-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision16117.pdf> (дата обращения: 21.07.2019).

вступления в силу Дополнительного протокола № 15³⁷. При сравнении этих двух доктрин тем не менее нужно учитывать, что КС РФ использует концепцию сдержанности преимущественно по отношению к законодательным органам, а ЕСПЧ, в свою очередь, — к национальным судебным органам. Это означает, что, хотя по функциям эти доктрины схожи, по своей природе и целям — различны.

Вместе с тем субсидиарность конвенционного механизма в практике Европейского Суда сосуществует с эволютивным толкованием Конвенции, что во многом базируется на *dictum* по делу *Тайрер против Соединённого Королевства*, в котором было сказано, что «Конвенция — это живой инструмент, который должен толковаться в свете условий сегодняшнего дня»³⁸. Он стал феноменом, подробно освещённым в специальной литературе³⁹, поэтому мы на нём далее останавливаться не будем.

В свете нашего исследования больший интерес представляет доктрина «автономного значения конвенционных терминов», которая предполагает, что одни и те же понятия могут

иметь разное содержание применительно к национальному праву и праву ЕСПЧ, например «уголовное обвинение», «гражданские права» и другие⁴⁰. Связано это с тем, что ЕСПЧ стремится создать универсальные общеевропейские базовые категории в области прав человека. Причём такие категории не всегда могли быть изначально заложены в самом тексте Конвенции — вывод, который не в полной мере соотносится с общим правилом толкования международных договоров, которое в первую очередь предполагает обращение к обычному значению слов и выражений, использованных в тексте, и лишь во вторую очередь — к объекту и цели договора⁴¹. Целью ЕСПЧ является всеобщее и эффективное признание и осуществление провозглашённых в ней прав (преамбула ЕКПЧ), что, по мнению Суда, позволяет ему при

³⁷ Протокол № 15 о внесении изменений в Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. СДСЕ № 213. Страсбург, 24 июля 2013 года. Ратифицирован Федеральным законом от 1 мая 2017 года № 79-ФЗ // Российская газета. 2017. № 94. См. также: *Harris D.J., O'Boyle M., Bates E.P., Buckley C.M.* Harris, O'Boyle & Warbrick: Law of the European Convention on Human Rights. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 8–10; *Бушев А.Ю.* Субсидиарная роль Европейского Суда по правам человека: пределы усмотрения и национальный суверенитет, критерий явной очевидности // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2016. № 4. С. 4–23; *Бушев А.Ю.* О субсидиарной роли Европейского Суда по правам человека и пределах обязательности его постановлений: на примере Постановления Конституционного Суда РФ по делу «ЮКОС» // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2017. № 9. С. 4–9.

³⁸ ECtHR. *Tyrer v. the United Kingdom*. Application no. 5856/72. Judgment of 25 April 1978.

³⁹ См., например: *Harris D.J., O'Boyle M., Bates E.P., Buckley C.M.* Op. cit.; *Letsas G.* The ECHR as a living instrument: its meaning and legitimacy // *Constituting Europe: The European Court of Human Rights in a National, European and Global Context (Studies on Human Rights Conventions)* / ed. by A. Føllesdal, B. Peters, G. Ulfstein. Cambridge: Cambridge University Press. P. 106–141. URL: <https://ssrn.com/abstract=2021836> (дата обращения: 22.07.2019).

⁴⁰ См.: *Harris D.J., O'Boyle M., Bates E.P., Buckley C.M.* Op. cit.; *Андрущенко Е.А.* Концепции автономности и субсидиарности в деятельности Европейского Суда по правам человека // Российский юридический журнал. 2013. № 4. С. 20–25.

⁴¹ См.: Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 года // Сборник международных договоров СССР. 1988. № XLII. В соответствии со статьёй 31 договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. В какой мере применимо это положение к Европейской Конвенции — вопрос сам по себе спорный: с одной стороны, Венская конвенция была заключена на 19 лет позже, чем ЕКПЧ, соответственно, ретроактивно правила её толкования распространяться на Европейскую Конвенцию не должны, но, с другой стороны, если статья 31 явилась кодификацией обычных норм, то ситуация может измениться и правила будут применимы. Интересно, что во время подготовки проекта Конвенции Комиссия международного права ООН исходила из того, что стороны при заключении договора должны включать в текст такие термины, которые не допускают двусмысленного толкования, и значение таких понятий должно быть ясно *ab initio*, но позднее Комиссия признала нереалистичность такого подхода (см.: *Draft Articles on the Law of Treaties with commentaries* // *Yearbook of the International Law Commission*. 1966. Vol. II. URL: http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_1_1966.pdf&lang=EF (дата обращения: 22.07.2019). Подробнее о правилах толкования международных договоров см. также: *Thirlway H.* *The Sources of International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2014; ECtHR. *Goldner v. the United Kingdom*. Application no. 4451/70. Judgment of 21 February 1975. §. 29.

трактовании конвенционных терминов отходить от национального толкования, которое, будучи приемлемым с точки зрения национального правоприменителя, не соотносится с европейским порядком⁴².

Основным методологическим подходом практики ЕСПЧ является заимствованный из немецкого административного права⁴³ пропорциональный анализ, который, по существу, сводится к четырём стадиям:

1) проверка установления ограничения законом;

2) следование ограничению законной цели;

3) необходимость принятых для обеспечения цели мер в демократическом обществе;

4) анализ пропорциональности (соразмерности) *stricto sensu*⁴⁴.

Не всегда все четыре стадии применяются в чёткой последовательности, также не всегда разделяются третья и четвёртая стадии⁴⁵, однако и общий подход Европейского Суда, и правила формальной логики свидетельствуют, что при несоблюдении одного из критериев проходить проверку последующих стадий уже нет необходимости, хотя, как будет показано ниже, сам ЕСПЧ в некоторых случаях от такого жёсткого правила отступает.

Таким образом, специальные приёмы толкования, применяемые обеими судебными инстанциями, во-первых, содержательно не всегда совпадают, а во-вторых, преследуют не всегда одни и те же цели, которые с известной долей допущения можно свести к следующему: соблюдение баланса интересов различных групп общества, тонкая настройка законодательного механизма через уяснение конституционного смысла проверяемых норм, активизм и эволютивное толкование, что

обусловлено в большой степени действием принципа разделения властей в первом случае и отсутствием его — во втором.

3. Содержание понятий «свобода собраний» и «свобода самовыражения»

3.1. Общие подходы

Выше мы описали основные подходы, применяемые Конституционным Судом РФ и Европейским Судом по правам человека к толкованию терминов. Далее на примерах ряда решений обоих судебных органов мы попытаемся определить, какой именно смысл вкладывает каждый из них в содержание понятий «свобода собраний» и «свобода самовыражения».

Статья 31 Конституции РФ говорит о праве собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование, то есть рассматриваемая статья прямо «свободу собраний» как более широкую категорию не упоминает⁴⁶. Доктринальное определение⁴⁷ указанной свободы включает в себя следующие характерные черты:

- собрание должно быть мирным, безоружным;
- собрание может проводиться с любой конституционно значимой или защищаемой Конституцией целью;
- собрание предполагает возможность посещать любые прямо не запрещённые законом мероприятия, включая и разного рода политические акции⁴⁸.

В случае с Конституционным Судом мы сразу же должны сделать оговорку, что КС РФ, будучи связанным предметом обращения, не имеет возможности всесторонне исследовать содержание рассматриваемой сво-

⁴² Например, известные критерии уголовного обвинения, разработанные Судом в деле Энгеля. См.: ECtHR. *Engel and Others v. the Netherlands*. Applications nos. 5100/71, 5101/71, 5102/71, 5354/72, 5370/72. Judgment of 8 June 1976. §. 82.

⁴³ См.: *Kommers D.P., Miller R.A.* The Constitutional Jurisprudence of the Federal Republic of Germany. 3rd ed. Durham ; London : Duke University Press, 2012. P.67.

⁴⁴ См., например: *Urbina F.J.* A Critic of Proportionality and Balancing. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. P.5.

⁴⁵ См.: ECtHR. *Navalnyy v. Russia*. Applications nos. 29580/12 and 4 others. Judgment of 15 November 2018.

⁴⁶ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд. М. : Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 282–288.

⁴⁷ См.: Там же.

⁴⁸ См.: Там же. См. также: *Рижкин М.А.* Право на мирные собрания: сравнительно-правовой анализ законодательства России и Финляндии // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 12. С. 32–39; *Саленко А.В.* Свобода мирных собраний в Российской Федерации: несколько тезисов об актуальных проблемах // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 118–127.

боды, однако приведённые ниже правовые позиции позволяют наметить некоторые исходные точки.

Конституционный Суд отметил, что указанное конституционное право, являясь неотъемлемым элементом правового статуса личности⁴⁹, «обеспечивает... реальную возможность... оказывать влияние на деятельность органов публичной власти и тем самым способствовать поддержанию *мирного* диалога между гражданским обществом и государством», не исключая при этом протестного характера такого диалога⁵⁰. Природа закреплённого в Конституции права предполагает, что государство обязано на основе баланса частных и публичных интересов гарантировать *реальную* возможность реализации свободы собраний в отношении *значимых для самих граждан* вопросов⁵¹. Более того, правоприменитель обязан учитывать разного рода факторы, например важность конкретной даты для организаторов собрания⁵², объективную необходимость обеспечения общественного порядка и безопасности граждан, определяемую *в каждом конкретном случае* самостоятельно⁵³. Ограничения свободы собраний допустимы, только если они «отвечают требованиям справедливости, являются адекватными, пропорциональными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей»⁵⁴.

Наконец, действия органов власти по обеспечению реализации свободы собраний в любом случае должны отвечать самой цели правового регулирования, то есть презумпции в пользу собраний, что в противном случае приводит к иллюзорности права⁵⁵.

Относительно свободы слова Конституционный Суд высказывался следующим образом: «...свобода слова — это не только гарантированная государством возможность беспрепятственно выразить посредством устного или печатного слова свои суждения по самым разным вопросам», но также это и эффективное средство общественного контроля за действиями публичной власти, сопряжённое с недопустимостью принуждения к отказу от своего мнения со стороны любых субъектов⁵⁶. КС РФ признаёт, что ограничения этой свободы не должны иметь места лишь на основании противоречия её реализации устоявшимся или традиционным взглядам и мнениям, противоречию морально-нравственным и (или) религиозным предпочтениям большинства⁵⁷. При этом, как мы увидим далее, понимание значений понятий «свободы собраний» и «свободы самовыражения» для демократического общества в практике КС РФ и ЕСПЧ не различается.

Свобода самовыражения и свобода собраний закрепляются статьями 10 и 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. При этом статья 11 охватывает своим содержанием не только свободу собраний, но и свободу ассоциаций, понимаемую как способность создавать и вступать в объединения, включая профессиональные союзы (см. пункт 1 статьи 11 Конвенции). Второй аспект указанной свободы для целей данной статьи важен в меньшей степени, поэтому остановимся лучше на определении содержания свободы собраний. Как свидетельствует анализ практики Европейского Суда, его понимание собрания соотносится с определением, которое даёт комиссия экспертов ОБСЕ: собрание — намеренное временное присутствие нескольких индивидов в общественном месте с общей целью выражения мнения; притом что отдельные виды собраний могут требовать особого регулирования, все виды мирных собраний подлежат защите, независимо

⁴⁹ См.: Пункт 2 Определения Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2009 года № 484-О-П // ВКС РФ. 2009. № 6.

⁵⁰ Абзац 1 пункта 2 Определения Конституционного Суда РФ от 7 июля 2016 года № 1428-О // ВКС РФ. 2017. № 2.

⁵¹ См.: Там же.

⁵² Абзац 8 пункта 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 13 мая 2014 года № 14-П // ВКС РФ. 2014. № 5.

⁵³ См.: Пункт 3.3 Постановления Конституционного Суда РФ от 5 декабря 2012 года № 30-П // ВКС РФ. 2013. № 2.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ См.: Пункт 3.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 13 мая 2014 года № 14-П. URL: <http://doc.krsf.ru/decision/KSRFDecision160846.pdf> (дата обращения: 21.07.2019).

⁵⁶ Пункт 2 Определения Конституционного Суда РФ от 18 сентября 2014 года № 1818-О. URL: <http://doc.krsf.ru/decision/KSRFDecision173981.pdf> (дата обращения: 21.07.2019).

⁵⁷ См.: Пункт 2 Определения Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 года № 1053-О // ВКС РФ. 2014. № 2.

от того, являются ли они статичными, происходят на частных или публичных площадках, в открытых или закрытых помещениях⁵⁸.

Европейский Суд считает, что право на свободу собраний является фундаментальным правом в демократическом обществе и наряду с правом на свободу самовыражения представляет собой одну из основ такого общества⁵⁹, власти при этом должны понимать, что реализация подобной свободы может приводить к некоторому нарушению обычного порядка общественной жизни⁶⁰. Формальная незаконность мирного публичного собрания не является достаточным основанием для его прекращения⁶¹. По существу, единственно важным критерием, по мнению Суда, остаётся подстрекательство к насилию⁶² — тот же критерий используется и Конституционным Судом. Подтверждением последнего тезиса служит отказ ЕСПЧ найти нарушение прав заявителей — членов запрещённой в России организации «Хизб-ут-Тахрир»⁶³. Право на свободу собраний касается как закрытых, так и публичных собраний, а равно собраний в определённом месте и публичных шествий; оно может осуществляться отдельными участниками собрания и его организаторами⁶⁴. Методологически ЕСПЧ исходит из того, что, если вмешательство в права заявителя не предусмотрено законом, не преследует одну или несколько законных целей, упомянутых в статье 11 Конвенции, и не является необходимым в демократическом обществе для достижения одной из этих целей⁶⁵, права заявителя будут нарушены — классический

стандарт, применимый Судом к неабсолютным правам Конвенции.

Используя концепцию «автономного значения конвенционных терминов», ещё на начальном этапе практики по статье 11 ЕСПЧ установил нарушение свободы собраний, в отличие от государства-ответчика, утверждавшего, что в Конвенции не предусмотрен «негативный аспект» этой свободы⁶⁶; позднее он стал признавать и наличие определённых позитивных обязательств у государств по обеспечению эффективной реализации такого права⁶⁷.

При сравнении подходов к определению понятий свободы собраний и свободы самовыражения в практике КС РФ и ЕСПЧ нужно исходить из того, что, хотя оба органа рассматривают первое понятие как специальную область второго, текстуальное конструирование в Конституции РФ и в ЕКПЧ, соответственно, различается. Разнятся также степень и глубина проверки свободы собраний в обоих органах: в то время как КС РФ, кроме единственного случая в деле Николая Алексеева, не рассматривал содержательные основания ограничения, проводя проверку конституционности формальных требований к организации собраний, ЕСПЧ посредством анализа обстоятельств конкретных дел имел возможность выработать критерии гарантий свободы и с точки зрения содержательности стороны свободы собраний.

Далее на конкретных примерах мы рассмотрим, в чём же состоит содержательная разница между подходами КС РФ и ЕСПЧ к обозначенным свободам, и докажем, что эта разница, учитывая схожее понимание защищаемых ценностей, объективно обусловлена, а противоречия возникают в связи с конкретными обстоятельствами дел и их ролью для последующего рассмотрения дела.

3.2. Различия в практике

Первая сложность и первое существенное различие практики двух судебных органов обусловлено, как мы отмечали выше, разли-

⁵⁸ См.: *Беляева Н., Булл Т., Голдбергер Д. [и др.] Руководящие принципы по свободе мирных собраний*. 2-е изд. Варшава : Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ), 2010. URL: <https://www.osce.org/ru/odihr/83237?download=true> (дата обращения: 22.07.2019).

⁵⁹ См.: ECtHR. *Berladir and Others v. Russia*. Application no. 34202/06. Judgment of 10 July 2012. § 37.

⁶⁰ См.: *Ibid.* §. 38.

⁶¹ См.: ECtHR. *Malofeyeva v. Russia*. Application no. 36673/04. Judgment of 30 May 2013. § 136.

⁶² См.: ECtHR. *Kuznetsov v. Russia*. Application no. 10877/04. Judgment of 23 October 2008. § 45.

⁶³ См.: ECtHR. *Kasymakhunov and Saybatalov v. Russia*. Applications nos. 26261/05, 26377/06. Judgment of 14 March 2013. § 113.

⁶⁴ См.: ECtHR. *Kuznetsov v. Russia*. § 35.

⁶⁵ См.: ECtHR. *Kuznetsov v. Russia*. § 39; *Berladir and Others v. Russia*. § 45.

⁶⁶ См.: ECtHR. *Young, James and Webster v. the United Kingdom*. Applications nos. 7601/76, 7806/77. Judgment of 13 August 1981.

⁶⁷ См.: ECtHR. *Barankevich v. Russia*. Application no. 10519/03. Judgment of 26 July 2007. § 27.

чиями в компетенции обоих Судов. Рассмотрим, к примеру, жалобы Николая Алексеева в КС РФ и ЕСПЧ. Постановление Европейского Суда по жалобе Алексеева было вынесено в 2010 году⁶⁸, после чего было вынесено ещё два, последнее из которых, от 27 ноября 2018 года, по существу, повторяет выводы самого первого.

В 2006 году заявитель выступал одним из организаторов шествия, посвящённого привлечению внимания к проблемам представителей ЛГБТ-сообщества в России, а также в целом «проблемам толерантности к меньшинствам как со стороны государства, так и со стороны общества». Как указывали российские СМИ, мэр Москвы неоднократно заявлял, что не допустит проведения публичных мероприятий, посвящённых данной тематике⁶⁹. Заявитель утверждал, что запрет, который московские власти неоднократно накладывали на проведение подобных мероприятий, не соответствовал Конвенции. Представители государства выдвинули ряд аргументов, которые можно свести к следующему: во-первых, запрет на проведение мероприятий был мотивирован целью обеспечения безопасности участников и предотвращением беспорядков, для чего у властей есть широкие пределы усмотрения; во-вторых, проведение подобных маршей в принципе не должно поощряться, так как «пропаганда гомосексуальности не соответствует религиозным и моральным убеждениям большинства населения и может причинить вред несовершеннолетним и впечатлительным взрослым».

Европейский Суд установил нарушение права заявителя на свободу мирных собраний, сопряжённое с нарушением запрета на дискриминацию (статья 14 Конвенции), указав следующее. Относительно первого аргумента властей: «...само существование риска не является достаточным основанием для запрета проведения мероприятия: при проведении оценки власти должны привести конкретные доводы уровня потенциального насилия в целях установления необходимых для его предотвращения ресурсов». В данном случае правительство не смогло доказать необходи-

мость применения подобных ограничений⁷⁰. Относительно второго аргумента Суд отметил, что основания, на которые ссылались власти, в принципе отсутствовали в национальном законе, соответственно, этот аргумент вообще не должен был применяться властями, так как даже в рамках национального судебного процесса рассматривались только мотивы обеспечения безопасности⁷¹.

С точки зрения методологии применения пропорционального анализа в данном деле ЕСПЧ мы видим больше последовательности, чем в анализируемом ниже деле Алексея Навального, хотя прямого выделения стадий проверки в данном деле сделано не было — Суд предпочёл провести общую проверку без разделения на самостоятельные стадии.

Жалоба Николая Алексеева в Конституционный Суд, за которой последовало Постановление от 23 сентября 2014 года № 24-П, является, по существу, единственным обращением со стороны граждан, которое инициировало проверку конституционности норм не с точки зрения оценки формальных требований законодательства о свободе собраний, а с позиции проверки содержания⁷². Заявители в деле оспаривали конституционность положений статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (*далее* — КоАП РФ), устанавливающей «административную ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних». Заявители утверждали, что их целью во время проведения акций в непосредственной близости от образовательных учреждений была не пропаганда, а информирование несовершеннолетних, и, основываясь именно на социальной важности вопроса, они выбирали места для проведения публичных мероприятий.

Оспариваемые положения были признаны не противоречащими Конституции РФ. Мотивировочная часть решения Конституционного Суда может быть сведена к следующим тезисам. Во-первых, Конституция не называет «для свободы слова и свободы рас-

⁷⁰ См.: Ibid. § 75.

⁷¹ См.: Ibid.

⁷² См.: Kuznetsov D., Taribo E. Approaches of the Constitutional Court of the Russian Federation towards freedom of expression and freedom of assembly // Constitutional Review. Vol. 1. 2015. No. 2. P. 23–48.

⁶⁸ ECtHR. *Alekseyev v. Russia*. Applications nos. 4916/07, 25924/08 and 14599/09. Judgment of 21 October 2010.

⁶⁹ См.: ECtHR. *Alekseyev v. Russia*. § 6–48.

пространения информации какие-либо идеологические или мировоззренческие критерии и ограничения»⁷³, но вместе с тем предусматривает необходимость *соблюдения баланса с другими конституционно значимыми ценностями*. КС РФ отметил: «Конституция... не даёт оснований для признания безусловной правомерности публичной деятельности, направленной на дискредитацию, склонение к отрицанию конституционно значимых нравственных ценностей, предопределённых историческими, культурными и иными традициями...»⁷⁴ К таким ценностям Основной закон относит, в частности, ценности семьи, материнства и детства⁷⁵. Здесь можно провести интересную сравнительно-правовую параллель с теорией «морального прочтения» конституции (англ.: *moral reading*) Рональда Дворкина, который утверждает, что «текст конституции должен пониматься таким образом, какой предполагает сам язык [конституционного текста]: он отсылает к абстрактным моральным принципам и инкорпорирует их в качестве установления ограничений [государственной] власти». Соответственно, когда мы сталкиваемся с конфликтом основных прав, имеющих равное значение, правоприменитель (интерпретатор текста) должен принимать во внимание моральное значение этих прав и пытаться определённым образом установить баланс с точки зрения их общественной значимости⁷⁶.

Во-вторых, Конституционный Суд подчеркнул, что оспариваемая норма не вмешивается в осуществление индивидуальной автономии, включая сексуальное самоопределение индивидов. В-третьих, оспариваемая норма не имеет своей целью запрет или подавление нетрадиционных сексуальных отношений. Суд подчеркнул, что закон не может быть использован для подавления непредвзятого общественного обсуждения правового статуса сексуальных меньшинств, а также их законного представительства в обществе, в том числе

посредством ассоциации или организации и проведения публичных мероприятий.

Постановление КС РФ, помимо обращения к содержанию конституционных ценностей, интересно ещё и тем, что в ответ на предложение заявителя увязать рассмотрение дела с рассмотрением его жалобы в ЕСПЧ Конституционный Суд отметил, что «к компетенции Европейского Суда по правам человека, как субсидиарного по своему характеру межгосударственного судебного органа по разрешению конкретных дел, не относится осуществление нормоконтроля»⁷⁷.

Данное обстоятельство является ключевым: Конституционный Суд проверяет конституционность норм, в то время как Европейский Суд обладает гораздо более специальной компетенцией — проверка конвенционности правоприменения в конкретных делах заявителя. Об этом обстоятельстве иногда забывают критики решений Конституционного Суда РФ⁷⁸.

Отсюда вытекает *вторая сложность* при сравнении подходов двух Судов. Когда Конституционный Суд рассматривает вопрос о проверке конституционности той или иной нормы закона, он исходит не только и не столько из интересов конкретного заявителя, обращение которого является лишь поводом к рассмотрению вопроса; основанием же остаётся обнаружившаяся неопределённость в содержании нормы права. Норма же права характеризуется универсальностью, применимостью к неограниченному кругу фактических обстоятельств, подпадающих под её гипотезу⁷⁹. Причём конституционно-правовая норма обладает ещё большей степенью абстрактности, представляя собой продукт общественного согласия относительно принципов организации жизни в конкретной стране. Европейский Суд в силу самой своей природы и узких целей толкования положений Конвенции о

⁷³ Пункт 2.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 года № 24-П.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ См.: Там же. Пункт 3.

⁷⁶ См.: *Dworkin R. Freedom's Law*. Oxford : Oxford University Press, 1996. P.19. Цит. по: *Conflicts between fundamental rights / ed. by E. Brems*. Antwerp ; Oxford ; Portland, OR: Intersentia, 2008. P.92–93.

⁷⁷ Пункт 1.3 Постановления Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 года № 24-П.

⁷⁸ См.: *Кряжкова О., Рудт Ю.* Расстановка мест слагаемых в решениях конституционных судов: почему сумма меняется? // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2015. № 5 (108). С. 120–135.

⁷⁹ См.: *Барышникова Ю.Р., Валиев Р.Г., Губаева Т.В. [и др.]*. Нормы права: теоретико-правовое исследование / под ред. Т.В. Губаевой, А.В. Краснова. М. : Российская Академия Правосудия, 2014.

защите прав человека и основных свобод не может и не должен вторгаться в область толкования норм национального права. Как только он пытается совершить акт подобного толкования, возникают противоречия и так называемые конфликты с национальными высшими судебными органами (широко известны, например, случаи Хёрста⁸⁰, Анчугова и Гладкова⁸¹), хотя конфликты эти могли бы и не произойти, если бы Европейский Суд чётко следовал установленным Конвенцией пределам проверки.

Рассмотрим и другой пример — с жалобами Алексея Навального. На конец 2018 года Конституционный Суд вынес одиннадцать определений по жалобам Алексея Навального, касавшихся различных вопросов, например, уголовно-процессуального⁸², гражданско-процессуального законодательства⁸³. В целях данного исследования мы обратимся к Определению от 4 апреля 2013 года № 485-О⁸⁴. Заявитель оспаривал конституционность применённых в его деле положений КоАП РФ (части 2 статьи 20.2), в силу которых он был привлечён к административной ответственности за проведение публичного мероприятия без подачи уведомления. Заявитель посчитал, что его действия не могли квалифицироваться подобным образом, так как «после завершения одиночного пикета он двигался к станции метро в сопровождении присоединившихся к нему по собственной инициативе журналистов и иных заинтересованных лиц». Этот эпизод позднее также фигурировал в деле *Навальный против России*, рассмотренном ЕСПЧ.

Конституционный Суд признал жалобу не подлежащей дальнейшему рассмотрению в рамках конституционного судопроизводства, но при этом уточнил ряд своих правовых позиций. Во-первых, КС РФ отметил, что пра-

вила административной ответственности должны принимать во внимание не только природу и общественную опасность (угрозу защищаемым законом публичным интересам) совершённого правонарушения, но и индивидуальную ситуацию привлекаемого к ответственности человека, избегая чрезмерного бремени на его или её конституционные права⁸⁵.

Во-вторых, обращаясь к необходимости соблюдения баланса между интересами индивидов и общества, Федеральный закон «О собраниях митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» устанавливает обязательную процедуру уведомления, несоблюдение которой приводит к привлечению к административной ответственности в соответствии с КоАП РФ. Если же несоблюдение процедуры уведомления привело к более серьёзным последствиям, ответственность будет более серьёзной. Ссылаясь для подтверждения своей позиции на практику ЕСПЧ⁸⁶, Суд подчеркнул, что избранная правовая модель уведомления не приводит к нарушению прав.

В-третьих, отдельно рассматривая вопрос о размере предусмотренной КоАП РФ санкции, КС РФ отметил, что максимальный размер штрафа (для физических лиц по данной категории дел — 300 000 рублей) был установлен для наказания за наиболее серьёзные правонарушения, которые по своей сути находятся ближе к уголовным преступлениям. При этом такая санкция не должна автоматически применяться ко всем случаям: Суд сделал ссылку на свой устоявшийся подход, согласно которому законодательство об административной ответственности должно предусматривать возможность назначения наказания ниже низшего предела, если индивидуальные обстоятельства дела свидетельствуют в пользу этого⁸⁷.

Наконец, ввиду ограничения компетенции КС РФ отказался проверять конституционность конкретных правоприменительных решений в деле заявителя⁸⁸ — об этом обстоя-

⁸⁰ ECtHR. *Hirst v. the United Kingdom (no. 2)*. Application no. 74025/01. Judgment of 6 October 2005.

⁸¹ ECtHR. *Anchugov and Gladkov v. Russia*. Applications nos. 11157/04 and 15162/05. Judgment of 4 July 2013; Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 года № 12-П.

⁸² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2014 года № 518-О.

⁸³ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 года № 1420-О.

⁸⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2013 года № 485-О // ВКС РФ. 2013. № 6.

⁸⁵ См.: Там же. Пункт 2.1.

⁸⁶ См.: ECtHR. *Oya Ataman v. Turkey*. Application no. 74552/01. Judgment of 5 December 2006; *Eva Molnar v. Hungary*. Application no. 10346/05. Judgment of 7 October 2008; *Berladir and Others v. Russia*.

⁸⁷ См.: Пункт 2.2 Определения Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2013 года № 485-О.

⁸⁸ См.: Там же.

тельстве нельзя забывать, когда мы проводим сравнение решений КС РФ и ЕСПЧ.

Последнее на данный момент постановление Большой Палаты ЕСПЧ по жалобам Алексея Навального было опубликовано 15 ноября 2018 года. Заявитель жаловался на нарушение ряда его конвенционных прав⁸⁹ действиями российских властей в семи эпизодах по поводу его предположительного участия в публичных мероприятиях, что в итоге привело к нарушению прав, гарантированных статьёй 11 Конвенции⁹⁰. В свою очередь российские власти по каждому из эпизодов отметили, что вмешательство в права заявителя было обоснованным и преследовало цель защиты правопорядка и предотвращения совершения преступлений⁹¹.

Постановление представляет интерес прежде всего с точки зрения оценки положений законодательства об административной ответственности в связи с проведением несанкционированных собраний, которые КС РФ признал конституционными в приданном им истолковании. Во-первых, ЕСПЧ установил, что в каждом из эпизодов меры, принятые в отношении заявителя (прекращение собрания или предполагаемого собрания, его административный арест и привлечение к административной ответственности), были основаны на предположении, что он принимал участие в несанкционированном публичном мероприятии и не подчинялся полицейским приказам прекратить их. Такой вывод был сделан Судом независимо от того, какие положения КоАП РФ (статья 19.3 или 20.2) были применены в деле. ЕСПЧ при этом отметил, что эти положения применяются взаимозаменяемо⁹².

Во-вторых, важно то, какой стандарт применил в данном деле Европейский Суд при оценке российских дел о свободе собраний. В Постановлении Третьей секции говорилось, что Суд «не будет оценивать, соответствовали ли принятые [в отношении заявителя] меры закону в каждом конкретном случае... так как в любом случае они были непропорцио-

нальны законной цели, выдвинутой правительством в качестве обоснования». Данный вывод был подтверждён Большой Палатой 15 ноября 2018 года. Суд установил, что в каждом из эпизодов имело место вмешательство в право заявителя на свободу собраний⁹³ и в каждом из таких случаев оно было основано на законе. Далее Суд пришёл к выводу, что, применяя его сложившиеся на практике требования к качеству закона к российским нормам КоАП, нельзя заключить, что закон в должной мере узко сформулирован и оставляет для индивидов возможность предвидеть последствия его применения к ним, то есть указанные нормы КоАП РФ не соответствуют конвенционным стандартам⁹⁴.

Чёткое следование разработанной самим ЕСПЧ методологии должно было бы привести его к выводу об отсутствии необходимости дальнейшего рассмотрения дела, но, приняв во внимание тот факт, что «вопросы, поднятые этим законом, распространяются дальше, чем простой анализ его качества и будущего применения, Суд находит более приемлемым *инкорпорировать данный анализ в более широкую оценку пропорциональности...* то есть была ли дискреция властей в данном деле уравновешена адекватными гарантиями против злоупотребления»⁹⁵. Данный пассаж с методологической точки зрения представляется ключевым во всём решении.

Вместе с тем в отношении двух из семи эпизодов Суд всё же предпочёл остановиться на второй стадии пропорционального анализа, выяснив, что меры не преследовали законной цели. В этом было существенное отличие от пути, избранного КС РФ, обратившегося к оценке соразмерности законодательных мер *stricto sensu* (не прибегая при этом к проверке конкретных правоприменительных решений в деле заявителя). Интересна и дальнейшая непоследовательность в оценке Европейского Суда, который в этих двух эпизодах, нарушение по которым в любом случае было установлено ранее, отказался от дальнейшего анализа с точки зрения необходимости в демократическом обществе, хотя пятью параграфами выше собирался это

⁸⁹ Для целей настоящей статьи мы ограничимся вопросом выводов ЕСПЧ применительно к статье 11 Конвенции, не рассматривая жалобы на нарушение положений статей 5 и 6.

⁹⁰ См.: ECtHR. *Navalnyy v. Russia*. § 13–41.

⁹¹ См.: Ibid. § 93–97.

⁹² См.: Ibid. § 116.

⁹³ См.: Ibid. § 104–113.

⁹⁴ См.: Ibid. § 116–118.

⁹⁵ Ibid. § 119.

делать в силу «особой значимости» ситуации. Далее Суд установил нарушение в оставшихся пяти эпизодах с точки зрения их несоответствия требованиям необходимости в демократическом обществе⁹⁶.

В-третьих, интересен перечень мер, которые ЕСПЧ постановил принять для исполнения своего постановления. Так, по существу, Суд пришёл к выводу, что в качестве мер общего характера России надлежит провести реформу своего законодательства о свободе собраний⁹⁷.

Таким образом, в ситуации с заявителем Конституционный Суд посчитал оспоренные нормы конституционными, скорректировав их толкование, Европейский Суд же пришёл к выводу о нарушении его прав конкретными *правоприменительными решениями*.

Третья сложность при рассмотрении решений КС РФ и ЕСПЧ по схожим делам состоит в трактовке и соотношении ценностей, затронутых в том или ином судебном решении. Мы отметили, что Конституционный Суд, будучи «судом над законами», проверяет конституционность нормы, что предполагает большой охват проблем и необходимость учитывать неограниченное количество возможных случаев или вариантов правоприменения. Каждая норма права, в конечном счёте, основана на определённых конституционных ценностях и защищает определённые ценности; нормы, ограничивающие права человека, не являются исключением. Соответственно, проверяя конституционность оспоренной нормы, Конституционный Суд должен учитывать весь комплекс затронутых тем или иным ограничением права ценностей и интересов разных групп общества. Иллюстрацией данной сложности будет дело панк-группы *Pussy Riot*⁹⁸. 25 сентября 2014 года Конституцион-

ный Суд вынес отказное определение по жалобе Надежды Толоконниковой, оспаривавшей конституционность положений части 2 статьи 213 УК РФ как «несоразмерно ограничивающих свободу выражения мнений, позволяющих признавать нарушением общественного порядка нарушение религиозных норм и устанавливая преступный характер деяний на основе их восприятия большинством населения в качестве неприемлемых»⁹⁹.

Суд отказался рассматривать жалобу Надежды Толоконниковой, приведя при этом ряд позиций, имеющих значение для уяснения его взглядов на свободы самовыражения и собраний. Во-первых, КС РФ обратил внимание на необходимость обеспечения баланса между свободой вероисповедания и свободой самовыражения: если распространение информации основано «на демонстративном грубом пренебрежении принятыми в обществе представлениями о приемлемом поведении в конкретных, включая связанные с религией, местах», лишено «какой-либо эстетической и художественной ценности и сам[о] по себе является оскорбительным, подобная деятельность выходит за границы гарантированного Конституцией... правомерного пользования свободой выражения мнений»¹⁰⁰. Во-вторых, конституционный правопорядок предполагает обязанность государства по принятию адекватных мер, направленных на его защиту, а также по созданию «правовых механизмов, в максимальной степени способствующих обеспечению общественной безопасности»¹⁰¹. В-третьих, обращаясь непосредственно к оспариваемым положениям уголовного закона, КС РФ отметил, что они являются в достаточной мере чётко определёнными, оставляют возможность предвидения правовых последствий, а также не препятствуют их единообразному применению к различным делам¹⁰².

Обращение другой участницы панк-группы — Марии Алёхиной — было направлено в ЕСПЧ 19 июня 2012 года. Постановление, в котором ЕСПЧ нашёл нарушение ряда статей Конвенции, в том числе и статьи 10, было

⁹⁶ См.: ECtHR. *Navalnyy v. Russia*. § 147.

⁹⁷ См.: Ibid. § 151, 186. Ещё одна уникальная черта постановления Европейского Суда по данному делу — редкое установление нарушения статьи 18 Конвенции, когда Суд признал, что государство сознательно действовало против заявителя, а также согласился с выводом заявителя о том, что «его политический активизм был специальным объектом государственного преследования» (см.: Ibid. § 173).

⁹⁸ Подробнее об этом см.: *Kuznetsov D. A. Freedoms Collide: Freedom of Expression and Freedom of Religion in Russia in Comparative Perspective // Russian Law Journal. Vol. II. 2014. No. 2. P. 75–100.*

⁹⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 года № 1873-О.

¹⁰⁰ Там же. Пункт 2.1.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² См.: Там же. Пункт 2.3.

опубликовано 17 июля 2018 года, оно стало окончательным 3 декабря 2018 года. Представители государства при защите своей позиции по статье 10 утверждали, что сознательно провокационное поведение участниц группы в одном из основных символов российского православного сообщества — Храме Христа Спасителя — нарушило свободу вероисповедания христианских верующих, а вмешательство в право на свободу самовыражения заявителей по настоящему делу было соразмерным. Было подчёркнуто также, что заявительницы были наказаны за совершение хулиганских действий, но не за распространение каких-либо идей или мнений¹⁰³.

Оценивая ситуацию с нарушением прав заявителей, гарантированных 10-й статьёй Конвенции, Европейский Суд прежде всего напомнил о своих сложившихся стандартах рассмотрения дел о свободе самовыражения, в том числе о том, что свобода самовыражения является одной из основ демократического общества, защите подлежат и те высказывания, которые шокируют или противоречат убеждениям большинства и т.д.¹⁰⁴

Обращаясь непосредственно к ситуации в деле заявителей, Суд признал, что в деле имело место вмешательство в свободу самовыражения заявителек¹⁰⁵. Анализируя ситуацию с точки зрения пропорционального теста, ЕСПЧ установил, что вмешательство было основано на законе и преследовало законную цель, но вместе с тем проблемным, по мнению Суда, является обоснование необходимости такого вмешательства с точки зрения демократического общества. Во-первых, Суд посчитал, что высказывание в данном деле имело неоспоримую общественную значимость, так как касалось текущей политической ситуации в России, осуществления государственной власти в стране. В этой связи Суд отметил, что пределы усмотрения государства при ограничении «политической речи», имеющей общественное значение, являются узкими¹⁰⁶. Во-вторых, действия участниц группы не помешали проведению какой-либо религиозной службы, равно они

не привели к причинению ущерба или каких-либо повреждений имуществу церкви. Соответственно, понесённое наказание является чрезмерным¹⁰⁷. Анализируя ситуацию как с точки зрения своей устоявшейся прецедентной практики, так и с точки зрения подходов Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетолерантностью и Комитета ООН по правам человека, Суд пришёл к выводу, что в действиях заявителек не содержалось ни элементов насилия, ни оправдания насилия или ненависти, равно они не продемонстрировали неуважения к чувствам верующих¹⁰⁸. Таким образом, ЕСПЧ установил нарушение статьи 10 Конвенции. Аналогичное нарушение было установлено и в отношении запрета распространения видеозаписи выступления в Храме Христа Спасителя в сети Интернет.

Как и в деле Николая Алексева, в данной ситуации суды видят необходимый баланс между конфликтующими свободами несколько по-разному, что, как и в остальных рассмотренных в статье ситуациях, обусловлено, помимо прочего, взглядом на баланс ценностей общества: Европейский Суд рассматривает отдельную ситуацию заявителек, учитывая конкретные фактические обстоятельства, в то время как Конституционный Суд исходит из необходимости соблюдения баланса интересов и ценностей всех групп общества, верующих и атеистов, сторонников и противников действующей власти или церковного руководства. Соответственно, решение, которое принимает Конституционный Суд, в силу его роли «суда над законами», может отличаться от решения ЕСПЧ, оценившего конкретную правоприменительную ситуацию с точки зрения её соответствия Конвенции.

4. Заключение

Как представляется на основе приведённых правовых позиций, концептуально Конституционный Суд РФ склонен использовать подход, который во многом соотносится с упомянутым выше методом «морального прочтения» конституции Рональда Дворкина, в то время как Европейский Суд по правам человека придерживается формализованного про-

¹⁰³ См.: ECtHR. *Mariya Alekhina and Others v. Russia*. § 175–180.

¹⁰⁴ См.: Ibid. § 197–201.

¹⁰⁵ См.: Ibid. § 202.

¹⁰⁶ См.: Ibid. § 212.

¹⁰⁷ См.: Ibid. § 215.

¹⁰⁸ См.: Ibid. § 227.

порционального анализа. На основании проанализированных ситуаций, рассмотренных в КС РФ и ЕСПЧ, мы можем прийти к ряду выводов.

Разница подходов двух юрисдикционных органов мотивирована определёнными факторами. Первый из них — это компетенционные (юрисдикционные) ограничения. Конституционный Суд России — это суд права (проводит оценку конституционности нормативных правовых актов), но не суд для установления фактов. КС РФ не может проверять конституционность конкретного правоприменительного решения, что *mutatis mutandis* делает ЕСПЧ. Второй фактор состоит в том, что роли КС РФ и ЕСПЧ значительно различаются: Конституционный Суд принадлежит к судебной ветви власти, входящей в чёткую систему разделения властей. Он, руководствуясь принципом конституционной сдержанности, не вмешивается в деятельность ни исполнительной, ни законодательной ветвей власти. Европейский Суд с этой точки зрения занимает иное положение. Нельзя говорить о существовании принципа разделения властей на уровне региональной международной организации, равно как и отнесение ЕСПЧ в чистом виде к органам судебной власти не совсем корректно, так как это прежде всего орган толкования международного соглашения. Наконец, как мы установили в приведённых примерах, КС РФ исходит из необходимости сохранения баланса интересов и ценностей разных групп общества, что, в отличие от проверки конвенционности конкретного правоприменительного решения в ЕСПЧ, изначально предполагает более тонкую настройку и бóльшую аккуратность в рассмотрении индивидуальных конституционных жалоб (обращений) граждан.

Библиографическое описание:

Кузнецов Д. Ценности и методы: сравнительно-правовой анализ подходов Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ к свободе самовыражения и свободе собраний // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 4 (131). С. 16–34.

Values and methods: comparative analysis of the approaches of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights to the freedom of expression and the freedom of assembly

Dmitry Kuznetsov

LL.M., Leading Counsellor, Department of International Relations and Review of the Constitutional Control Practice, Constitutional Court of the Russian Federation; Teacher, Chair of Constitutional and Administrative Law, Higher School of Economics (Saint Petersburg campus), Saint Petersburg, Russia (e-mail: dmitrykuznetsove@gmail.com).

Abstract

This article discusses approaches of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights to cases concerning the freedom of expression and the freedom of assembly on the example of several significant situations reviewed by both judicial bodies. The article consists of two parts. Applying the comparative-law methodology, the first part describes approaches of the Constitutional Court and the European Court to freedom of assembly and freedom of expression cases, makes conclusions regarding particular features of the methodology of both bodies regarding the said category of cases. The author concludes that when comparing approaches of the European Court of Human Rights and the Russian Constitutional Court the necessary conditions for the correct analysis are consideration of particularities of the legal position of the judicial body, limits of constitutionality (conventionality) review, and the powers of interpretation of constitutional (conventional) provisions. With regard to conclusions from the first part, the second part of the article studies substantial differences between the approaches of the Russian Constitutional Court and the European Court of Human Rights on concrete examples. The author reviews legal positions of both judicial bodies regarding freedom of expression and freedom of assembly, and concludes that both bodies are guided by the same values while considering controversial situations. Regarding the concrete examples, the author compares the methodological approaches of the Russian Constitutional Court and the European Court of Human Rights and concludes that in the described situations each of the bodies acted within its competence and established rules of human rights norms interpretation; the difference in approaches of both judicial bodies, taking into account similar understanding of the protected values, was objectively motivated; and controversies emerged with respect to concrete circumstances and the role the latter play in adjudicating a case.

Keywords

Constitutional Court of the Russian Federation; European Court of Human Rights; freedom of assembly; freedom of expression; comparative methodology; limitations of rights.

Citation

Kuznetsov D. (2019) Tsennosti i metody: sravnitel'no-pravovoy analiz podkhodov Konstitutsionnogo Suda RF i ESPCh k svobode samovyrazheniya i svobode sobraniy [Values and methods: comparative analysis of the approaches of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights to the freedom of expression and the freedom of assembly]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 28, no. 4, pp. 16–34. (In Russian).

References

- Andrushchenko E. A. (2013) Kontseptsii avtonomnosti i subsidiarnosti v deyatel'nosti Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka [Concepts of autonomy and subsidiarity in the activities of the European Court of Human Rights]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, no. 4, pp. 20–25. (In Russian).
- Baryshnikova Yu.R., Valiev R. G., Gubaeva T.V., Gumerov L. A. (2014) *Normy prava: teoretiko-pravovoe issledovanie* [Legal norms: theoretical and legal research: a monograph], T.V. Gubaeva, A.V. Krasnov (eds.), Moscow: Rossiyskaya akademiya pravosudiya. (In Russian).
- Bates E., Buckley C., Harris D.J., O'Boyle M. (2014) *Harris, O'Boyle & Warbrick: Law of the European Convention on Human Rights*, 3rd ed., Oxford: Oxford University Press.
- Belyaeva N., Bull T., Goldberger D., Hamilton M., Jarmen N., Khaydarova M. S., Ostaf S., Pogosyan V., Vashkevich A., Zhovtis E. A. (2010) *Rukovodnyashchie printsipy po svobode mirnykh sobraniy* [Guidelines on Freedom of Peaceful Assembly], 2nd ed., Warsaw: OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights. Available at: <https://www.osce.org/ru/odihr/83237?download=true> (accessed: 22.07.2019). (In Russian).
- Brems E. (ed.) (2008) *Conflicts between fundamental rights*, Antwerp; Oxford; Portland, OR: Intersentia.
- Bushev A. Y. (2016) Subsidiarnaya rol' Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka: predely usmotreniya i natsional'nyy suverenitet, kriteriy yavnoy ochevidnosti [Subsidiary role of the European Court of Human Rights: margin of appreciation and national sovereignty, the criterion of manifested evidence]. *Prava cheloveka. Praktika Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka*, no. 4, pp. 4–23. (In Russian).
- Bushev A. Y. (2017) O subsidiarnoy roli Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka i predelakh obyazatel'nosti ego postanovleniy: na primere Postanovleniya Konstitutsionnogo Suda RF po delu «YUKOS» [On subsidiary role of the European Court of Human Rights and margins of obligatory force of its judgments: on the example of the RF Constitutional Court Judgment in the “YUKOS” case]. *Prava cheloveka. Praktika Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka*, no. 9. (In Russian).
- Dworkin R. (1996) *Freedom's Law*, Oxford: Oxford University Press.
- Knyazev S. D., Rumak V. B. (2017) Ne perestupit' tonkuyu gran', kotoraya otdeleyaet tolkovanie zakona ot ego popolneniya novymi pravilami [Do not overstep a thin border, which separates interpretation of law from the latter's filling with new rules]. *Zakon*, no. 10, pp. 6–19. (In Russian).
- Kommers D. P., Miller R. A. (2012) *The Constitutional Jurisprudence of the Federal Republic of Germany*, 3rd ed., Durham, London: Duke University Press.
- Kryazhkova O., Rudt Yu. (2014) Rasstanovka mest sлагаemykh v resheniyakh konstitutsionnykh sudov: pochemu summa menyaetsya? [Arrangement of terms in constitutional courts decisions: why the amount changes]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 5, pp. 120–135. (In Russian).
- Kuznetsov D. (2014) Freedoms Collide: Freedom of Expression and Freedom of Religion in Russia in Comparative Perspective. *Russian Law Journal*, no. 2, pp. 75–100. (In Russian).
- Kuznetsov D. A. (2016) Factory, kotorye neobkhodimo uchityvat' pri provedenii sravnitel'no-pravovogo issledovaniya praktiki zarubezhnykh organov konstitutsionnogo kontrolya [The factors needed to be taken into account while making a comparative research of foreign constitutional control practice]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, no. 3, pp. 14–23. (In Russian).
- Kuznetsov D., Taribo E. (2015) Approaches of the Constitutional Court of the Russian Federation towards freedom of expression and freedom of assembly. *Constitutional Review*, no. 2, pp. 23–48. (In Russian).
- Letsas G. (2013) The ECHR as a living instrument: Its meaning and legitimacy. In: Føllesdal A., Peters B., Ulfstein G. (eds.) *Constituting Europe: the European Court of Human Rights in a National, European and Global Context (Studies on Human Rights Conventions)*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 106–141. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2021836> (accessed: 22.07.2019).
- Riekkinen M. A. (2016) Pravo na mirnye sobraniya: sravnitel'no-pravovoy analiz zakonodatel'stva Rossii i Finlyandii [Freedom of assembly: comparative analysis of the Russian and Finnish legislation]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, no. 12, pp. 32–39. (In Russian).
- Salenko A. V. (2017) Svoboda mirnykh sobraniy v Rossiyskoy Federatsii: neskol'ko tezisev ob aktual'nykh problemakh [Freedom of assembly in the Russian Federation: several theses on current issues]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, no. 1, pp. 118–127. (In Russian).
- Sergevnin S. L. (2012) *K voprosu ob interpretatsionnoy deyatel'nosti Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [To the issue of interpretation activities of the Constitutional Court of the Russian Federation]: Paper presented at Konstitutsionnyy Kontrol: doctrina i praktika, October 28–29, Saint-Petersburg. Moscow: Norma. (In Russian).
- Sivitskiy V. A. (2014) *O nekotorykh problemakh osushchestvleniya sudebnoy zashchity prav i zakonnykh interesov v sfere publichno-pravovykh otnosheniy* [On certain problems of realisation of judicial protection of rights and legal interests in the field of public law relations]. Paper presented at Nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Sudebnaya reforma 1864 goda. Realizatsiya i zashchita prav cheloveka v sovremennoy pravovoy sisteme”, June 6, Yaroslavl. (In Russian).
- Thirlway H. (2014) *The Sources of International Law*, Oxford: Oxford University Press.
- Urbina F. J. (2017) *A Critic of Proportionality and Balancing*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Zor'kin V. D. (ed.) (2011) *Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii (postateynny)* [Commentary to the Constitution of the Russian Federation], 2nd ed., Moscow: Norma: Infra-M. (In Russian).